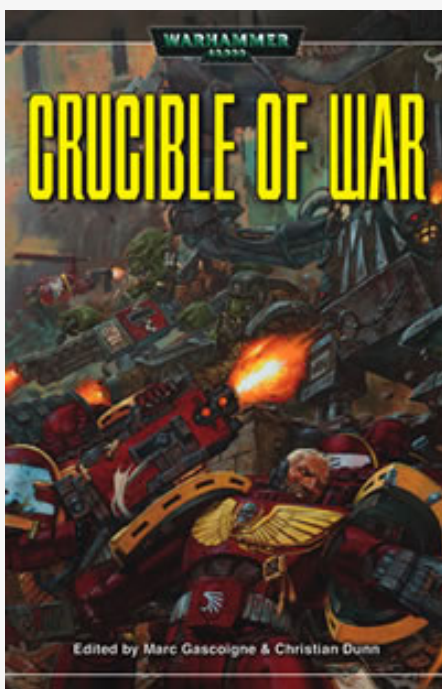

На крыльях скорби / On Mournful Wings (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

На крыльях скорби / On Mournful Wings (рассказ)

Автор	Саймон Спурриер / Simon Spurrier
Переводчик	Zyriel
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Горнило войны / Crucible of War
Год издания	2003
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Небеса превратились в зеркало, отражающее гнев океана. Клубящиеся облака бурлили и перекачивались, борясь за место над горизонтом.

Стена ветра, пыли и воды вырвалась из вихря и вонзилась в землю как коготь.

Кто-то закричал.

И все умерли.

Ика вздрогнул и проснулся, когда из глубин памяти всплыли воспоминания о кричащих голосах.

Глайдер трясся, его неумело собранный фюзеляж словно возмущался давлению снаружи. Ржавый болт вывалился из соединения где-то над головой и загремел по полу.

Ика не смог заставить себя заинтересоваться этим.

Дал спал рядом, подергиваясь во сне. Ика задался вопросом, неужели у него, как и у его брата-близнеца, темные круги вокруг глаз, преждевременные морщины и бледное от усталости и недоедания лицо? Возможно. Сон стал настоящей пыткой с тех пор, как... как это произошло.

Дал беспокойно забормотал и заворочался в своем неудобном сиденье.

Снижение глайдера стало более ощутимым, и пассажиры, все мальчики тринадцати лет, торопливо зашептали молитву о защите. Мучительный скрип возвестил о выходе древнего шасси.

Пусть он разобьется, сказал голос в голове Ики. Ударится о посадочную полосу и развалится на тысячу частей. Пусть мы покатаемся по этой узкой пластбетонной полосе над Плоским городом, взорвемся как перезрелый фрукт и остановимся, полузаваленные гранитными обломками, стораю заживо, крича и умирая.

В крошечной часовне Экклезиархии в Кальтуме был священник, у которого вместо одного глаза поблескивал имплантат. Щеки жреца были покрыты шрамами, а под холщовыми одеяниями он носил армейский жетон. Сидя в содрогающемся глайдере и желая забвения, Ика вздрогнул от укола совести, вспомнив слова священника.

- Не ищи в смерти спасения от страданий, - гудел его голос, сопровождаемый пощелкиванием и жужжанием глаза, - ибо Он, Могущественнейший, не приемлет умерших ради себя.

Тот священник был уже мертв. Все в Кальтуме были мертвы.

Тормозная система глайдера была забита солью, отчего, приземлившись среди стоящих под хлещущим ливнем труб Плоского города, машина издала звук, похожий на детский визг. Ничего не понимающие пассажиры покорно вылезли наружу.

Столица Гатиса II пребывала в запустении: увеличенный вариант племенных стойбищ и мрачных деревень, местами встречающихся на клочках суши. Хибары как будто сбивались в кучу в целях безопасности. Ветхие домики покрывались веществом, которое было единственным полезным ресурсом планеты - чамаковым маслом.

Эту вязкую жидкость, получаемую из перемолотых в кашу стеблей и листьев растения чамак, Администратум экспортировал в качестве дешевого, хотя и дурно пахнущего изоляционного материала. Круглые сутки грузовые глайдеры перевозили свой зловонный груз от далеких островных племен. В одном глайдере помещался урожай целого года. За доступ к водным плантациям постоянно шла ожесточенная и зачастую кровавая борьба.

Ика отвернулся к залитым дождем противозрывным щитам, поскольку огромный транспортник поднял с земли извивающиеся подобно щупальцам клубы пыли.

- Гадаешь, куда они отправились? - спросил Дал, усталым взглядом провожая исчезающий в дождевых облаках кусок металла.

Ика кивнул. Голос внутри него сказал: Это не имеет значения. Ничто не имеет значения.

- Не останавливаться! - крикнул кто-то, и близнецы вернулись в неровную колонну юношей, подгоняемых людьми в плотных дождевиках. Они тащились через посадочную площадку между смутно виднеющихся по сторонам силуэтов Имперских судов со всеми их огромными, таинственными двигателями.

- Не задумывайтесь о том, что готовит вам судьба, - говорил священник. Мертвый голос эхом отдавался в голове Ики, - Довольствуйтесь тем, что служите Ему-На-Троне - сколь бы скромным ни было ваше положение.

Ика видел любопытные взгляды, которые кто-то из колонны бросал на вырисовывающиеся по сторонам гигантские сокровища. На лицах словно было написано, "Как они работают?" "Куда они направляются?" "Что там?" Но они никогда этого не узнают, никогда не покинут побитой дождями поверхности Гатиса; никогда не увидят звезд.

И никто не вспомнит ничего из того, что они когда-либо сделали.

Впереди показался обветшалый фасад. Высокое архаичное здание, украшенное башенками и ухмыляющимися горгульями, резко выделялось среди окрестных доков. С нарастающим ощущением тяжести Ика понял, что юношей направляют прямо в светящийся проем погрузочных ворот сбоку строения.

Над воротами можно было увидеть великолепное в своей угловатой симметрии изображение, составленное из вырезанных в форме перьев и покрашенных в черный цвет огромных каменных плит. Не изящные изгибы герба Администратума с его плавными очертаниями и адамантиевыми омегами, а скорее строгость и четкость, напоминающая жесткие линии фаланги. И в середине зазубренных крыльев хищной птицы с немой меланхолией на колонну молодых людей смотрела цвета слоновой кости маска смерти.

Крылатый череп.

В небе раздался отдаленный грохот. Близнецы едва подняли взгляд.

- Опять буря, - проворчал возящийся с эластичными крыльями Дал. Занятый храповым механизмом Ика кивнул.

- Горные призраки дерутся, да, отец? - усмехнулся он.

Отец близнецов улыбнулся, морщины на его лице были похожи на складки на поношенной коже. Он перегнулся через плечо Ики, помог сыну закрепить скобу крыла и мягко взъерошил волосы на его голове.

- Точно, сынок.

Дал пристально проследил за этим движением из другого конца комнаты, затем с удвоенной энергией взялся за работу над глайдером.

Ика никогда не видел столько людей. Внутреннее убранство здания казалось бесконечно тянущимися во все стороны эбеновыми горизонтами, взирающими на безбрежный океан молодых ошарашенных людей.

Каждый мужчина тринадцати лет да явится в Плоский город в тринадцатый день тринадцатого лунного месяца каждого года. Волею Императора.

Каждый год одно и то же: глайдеры прилетают в Кальтум и забирают юношей. И иногда, примерно раз в десятилетие, возвращаются не все.

Ходили слухи, что их забирают во Флот.

Или посылают в качестве пушечного мяса в битвы с орками.

Или приносят в жертву величю Императора.

Существуют тысячи возможных вариантов, и каждый из них богат на недомолвки и легенды.

Один из слухов гласил, что эти юноши служат для умиротворения злобных горных призраков.

Где-то высоко наверху раздался скрежет, похожий на крик скального ястреба и от теней на потолке отделился неясный силуэт, вскоре превратившийся в подвешенную на цепях металлическую платформу. По помещению пронеслось испуганное неуверенное бормотание тысяч молодых людей.

Раскачивающаяся платформа со скрипом остановилась над толпой, которую внезапно опутала тишина.

Воздух был плотным и напряженным, по позвоночнику пробежали мурашки, а нос и уши заполнило потрескивание статики.

С напоминающими громовые раскаты звуками включились прожекторы.

- Смотри, - сказал Дал. Ика проследил за его взглядом и сквозь толпу увидел одетых в черное надзирателей, которые сопровождали юношей от глайдеров. Время от времени они останавливались, наклоняли головы, что делало их похожими на ящериц, затем уносились в другом направлении. Иногда они бросали взгляды на платформу, как будто там кто-то стоял, наблюдая и отдавая указания.

А потом они начали Выбирать. Протягивалась и ложилась на плечо рука, словно вслепую нащупывая... что именно? Затем приближались три или четыре черных фигуры и волокли прочь свою надежно затянутую в узел из конечностей жертву.

Ика ожидал пронзительной мольбы о помощи: о, Император, не дай им меня забрать! Но нет, те, кого взяли, казались спокойными и покорными. Ни один из них не закричал.

И тут что-то словно ударило по разуму Ики. Что-то, что ползало по его мозгу и знало все. Что-то, что сказало: "Да, ты прав в том, что ничем не интересуешься. Ты уже мертв и знаешь об этом "

И когда ладони в черных перчатках сомкнулись на его руках и потащили его в черноту теней, он не издавал тревожных криков. Он даже не шептал молитву, потому что, в конце концов, что это дало бы?

Пошатывающийся и почти потерявший сознание Ика знал, что никогда больше не увидит Кальтум. Никогда не поймает с отцовского дирижабля скользкую хирурговую рыбу, никогда не будет выписывать причудливые круги над подводной плантацией чамака, охраняя ее от других племен.

Возвращаться некуда, Кальтума больше нет. Измочаленный в лохмотья дирижабль унесся в ревущие небеса. Пришли другие племена и, без сомнения, разграбили принадлежавшие предкам Ики плантации чамака.

Кто-то сильно ударил Ику, и его вырвало.

Рядом с ним Дал сказал "изээк" и сплюнул кровь. Лежащих повсюду рядом с Икой потерявших сознание парней будили ударами и пинками те же самые одетые в черное фигуры. Видимо, с их точки зрения это означало любезность. Склонившийся над Икой что-то проворчал, удовлетворенный тем, что он пришел в сознание, и отошел. Близнецы обменялись неуверенными взглядами.

Они стояли, коленопреклоненные, на скалистом плато в шеренге приблизительно из тридцати юношей. Ика предположил, что тех самых, кого забрали из здания воздушного порта. Вокруг плато возвышались вершины Бритвенного Хребта, отбрасывающие уродливые тени на бушующее далеко внизу море.

Где-то там, думал Ика, находится Плоский город, где тысячи ничего не понимающих парней поднимаются на борт глайдеров, чтобы вернуться домой, благодаря Императора и задаваясь вопросом, что произошло с теми немногими, кого забрали...

Ика попытался вспомнить, как попал на это вызывающее головокружение место, но память подвела его. Было мгновение боли, потом смутное ощущение работающего оборудования и шум двигателей – да, тот самый звук из воздушного порта – становящийся все громче.

Он сказал себе: «Неважно, как ты сюда попал. Никому до этого нет дела»

- Сервы ордена, – произнес исполненный властности голос, – больше вы здесь не нужны.

Люди в черных одеждах механически поклонились и начали быстро спускаться по высеченной в склоне горы лестнице. Противоположная, пустующая сторона каменной площадки, кажущейся ничтожной в сравнении с горой, из которой выступала, вплотную примыкала к отвесной скале с небольшой пещерой, где, возможно, и скрывался человек. Ика уставился на каменную утробу и попытался сосредоточиться.

Что-то пошевелилось внутри.

Нечто, искажающее свет как ртуть.

Нечто огромное, но, тем не менее, движущееся с плавной текучестью.

Нечто, выступающее вперед, поблескивающее отраженным от полированных поверхностей и украшений цвета слоновой кости светом. Отполированные до зеркального блеска перчатки сжимали кроваво-красный посох, а где-то в центре этого невероятного существа находилась пара глаз, взирающих на все с бесконечной мудростью и грустью. Металлический капюшон, приспущенный на болезненное лицо, казалось, потрескивал едва сдерживаемой энергией.

- Я - Трин, – произнес гигант. От его скорбного голоса по позвоночнику Ики пробежала дрожь, – библиарий-секундус Адептус Астартес.

Слова не имели смысла. Юноши с искаженными страхом и болью лицами смотрели, как библиарий

сделал еще один шаг, и на свету появляется его зеркальный доспех. Наплечники повернулись, и Ика снова увидел выгравированный на металле скорбный череп с распростертыми крыльями. Бледный человек по очереди вонзил свой тяжелый взгляд в каждого из мальчиков.

- Вы были избраны, - произнес голос, - одни из тысяч. Избраны не за силу или храбрость, не за душу и не за тело. Вы были избраны, потому что вы, каждый по-своему, уже понимаете неизменную истину. Вы понимаете, что уже мертвы.

Где-то слева от Ики тихо всхлипнул мальчик.

- Катастрофа, потеря, травма... жизнь в отверженности и изоляции - такие воспоминания есть у всех вас. Вы должны понять, что глубина ваших чувств и сила горя - это ничто; мельчайшая часть отчаяния, царящего во всем Империуме.

Что-то снова проникло в разум Ики, прокладывая себе путь в его воспоминания. И когда библиарий опять заговорил, его голос, казалось, идет прямо в мозг.

- Вы прибыли сюда, чтобы умереть. Вы должны понять. Лелейте свою смертность. Цепляйтесь за нее. Сегодня каждый из Вас гарантированно умрет. Вы, фактически, уже мертвы - просто тянете время. Узрите отчаяние.

И эфирные пальцы в черепе Ики Начали погружаться все глубже, изогнулись, показывая ему...

...кричащие голоса, ломающиеся один за другим ногти матери. Затем ее хватка ослабла, и она улетела в вихрь, взывая к нему о помощи...

...и воющих существ с алыми глазами и зеленой кожей, похожих на гнилую шкуру. Они щелкали клыками, слушая женские крики и детский плач, и смотря на пылающие города...

...и рушащуюся мастерскую отца, и мстительную молнию, уничтожившую взлетевшую в ревущие небеса соломенную крышу...

... убиваемых толпами людей и рыщущих по улицам чудовищ. Трещит хитин, и ни один из криков ужаса не звучит громче остальных, и каждому из подвергнутых мукам кажется, что мир рухнул и жизнь уничтожена. Такое случалось уже миллионы раз...

... Ика кричал, и Дал кричал, хотя их никто не слышал. За часовней, разлетевшейся обломками камня, где-то среди развалин старый священник взмахнул руками, когда недавно зажженные им свечи ударились в него, прежде чем улететь под напором ветра...

... и разноцветное судно, подобно призраку проносящееся мимо и дающее колоссальной мощи залп фотохимическими торпедами, вгрызающимися в противовзрывные щиты. И сто тысяч человеческих муравьев беззвучно раскрывают рты, испуская в пустоту свой последний вздох...

... они не видели, как умер отец, но слышали его голос, когда изоляцию зала собраний сорвало и унесло ураганом, как сухие листья. Крик ужаса, казалось, длился, и длился, и длился...

... и сочащиеся злом молниевые когти двигались так быстро, что глаз не мог за ними уследить, искрились от ударов об украшенный рунами клинок Его силового меча. И когда, наконец, силовой доспех цвета слоновой кости раскололся, и когти Магистра Войны погрузились внутрь, триллионы людей на миллионах миров упали на колени. Ничто уже не будет прежним...

... и отчаяние никогда не закончится.

Ика открыл глаза и взмолился о смерти. Все, чем он был, ничего не значило. Страдание вселенной полностью затмило его собственное. Ничто не имело значения.

- Вы войдете в пещеру, - приказал библиарий. Его слова были наполнены психической мощью, которой невозможно было не повиноваться, - Вы войдете в пещеру, и умрете в ней. Вы подниметесь из глубин страха и насилия, и с каждым шагом будете приближаться к забвению.

Мрачный голос умолк, и Ика попытался встать, а, обернувшись, увидел, что его брат уже поднимается.

Как обычно.

Всегда первый.

Остальные последовали его примеру, стремясь выполнить приказ библиария несмотря на головную боль. Серебряная перчатка Трина поднялась, замерла на мгновение, и указала юношам на пещеру.

Один мальчик, чуть дальше в шеренге, не поднялся. В его расширенных, безжизненных глазах замерло безучастное выражение. Ика понял. Скорбь была слишком велика, чтоб ее вынести.

Ика по спирали поднялся выше, полностью расправив крылья. От каждого движения руки он слегка изменял положение, что позволило ему взлететь высоко над островом Кальтум.

- Хорошо, Ика! Хорошо! - кричал отец, приложив ладони рупором ко рту. Его лицо выражало гордость, - Держи равновесие - вот так! Превосходно!

Над Икой медленно выписывал длинные спирали Дал. - Как тебе, отец? - донесся приглушенный толщей воздуха голос.

Отец близнецов на мгновение оторвал взгляд от Ики и кивнул:

- Хорошо.

Ика взглянул на брата, чтобы обменяться с ним улыбками радости от первого полета. Но Дал был хмур, а когда заметил взгляд Ики, его улыбка была слишком недолгой и принужденной, а затем он увел глайдер в сторону.

Факелы мерцали в своих креплениях, пламя колыхалось от каждого движения воздуха. Наконец все юноши оказались внутри, притихшие и запуганные психической травмой.

Голос в голове Ики сказал: «Все мертвы, мертвы, мертвы, мертвы, мертвы...»

Затем дверь закрылась.

Только что дневной свет проникал в пещеру, очерчивая широкий силуэт библиария на фоне исполосованных дождем камней снаружи. И вот уже вышедшие из пазов железные противозрывные двери с громовым лязгом запечатали юношей внутри .

Молодые люди обменялись неуверенными взглядами. Один мальчик едва слышно произнес сказал:

- Ч-что происходит..?

Ответа не последовало.

Раздалось шипение, и, обернувшись, Ика увидел, что из трещины в полу течет вода, а из быстро увеличивающейся лужи бьют струйки пара. Стоящий рядом Дал принялся.

- Воняет серой...

В голове Ики снова раздался голос. Разум наполнили терпеливые скорбные интонации размеренной речи библиария Трина. Все юноши склонили головы, будто прислушиваясь, и Ика знал, что они тоже слышат слова Трина.

- Несколько тысячелетий назад на Бритвенный Хребет упало небесное тело. Удар заставил содрогнуться кору планеты и необратимо ее дестабилизировал. Она - как и мы - умирает с каждой секундой. Однажды ядро затвердеет, океаны замерзнут, а люди будут голодать. Но до того момента она проводит свои смертные часы в пламенных вспышках гнева и яростных землетрясениях. Вы находитесь в центре глубочайшего отчаяния в мире.

Ика снова посмотрел на увеличивающуюся под ногами лужу, в которой теперь был виден небольшой бугорок поднимающейся из трещины кипящей жидкости. Ика чувствовал жар, даже чуть отступив. Испускать воду начала еще одна трещина в полу.

- Один раз в год, - гудел голос, - потоки лавы под Бритвенным хребтом изливаются в эти туннели и заполняют их кипящей водой. В течение часа и эта пещера, и все пещеры над ней будут затоплены. Вы вдохнете кипящую жидкость. Вы будете беззвучно кричать, а в ваших легких будет гореть воздух. Из этой пещеры один выход. Воспользуйтесь им, или не пользуйтесь. Так или иначе, жить вам осталось считанные минуты.

Психический контакт оборвался, вызвав у Ики ощущение головокружения и тошноты.

Отверстие в скале поблизости забулькало и зашипело, а затем взревело в сверкающей ярости. Из него выплеснулась вода, подобно молоту ударила о камни и разлетелась на миллион капель воды и пара.

Закричал один из мальчиков: его обожженное лицо было окутано паром как саваном.

А Ика подумал: «Ну, вот и все. Лучше умереть сейчас. Приветствуй это. Наслаждайся этим»

Хотя...

Хотя терять больше нечего, и умереть в соседней пещере - это то же самое, что умереть здесь...

Хмурясь непонятно отчего, Ика прошел вперед, к уходящему вверх и в сторону туннелю. Мимо промелькнул, как призрак, Дал, стремящийся попасть в туннель первым. За близнецами потянулись остальные. В безжизненных глазах было лишь осознание того, что это ничего не изменит.

Схватившийся за лицо неразборчиво вопящий от боли парень остался позади, его крики становились все слабее, и, наконец, затихли с единственным булькающим всхлипом.

В тот день близнецы пробрались в зал собраний через сломанную синтиплексовую панель в задней части здания.

Снаружи шел дождь, и капельки молотили по рифленой крыше, словно одновременно падающий с ветвей урожай шишкочагоды. Снаружи люди племени Кальтума, как обычно, проводили в труде свои мелкие, слепые короткие жизни.

Ика и Дал были могущественными королями, борющимися за руку прекрасной принцессы.

Они были героем и злодеем, сражающимися за господство.

Они были Императором и Гором (хотя и не знали, кто из них кто).

Они были чужаком и человеком, или еретиком и спасителем, или мутантом и пуританином.

Над пустым залом разносился стук деревянных дженрак-посохов, свист воздуха и глухие звуки жестоких ударов. Неудержимо смеясь, делая обманные движения и выпады, Ика и Дал были воинами.

А затем их отец услышал голоса и заполз внутрь, чтобы узнать, почему они оставили работу по дому. Дал сказал, что они хотели потренироваться, чтобы суметь защитить чамак от соседних племен, но отец знал, что это была ложь. Он хитро усмехнулся и сказал:

- Хорошо. Тогда к бою.

И они дрались под его строгим взглядом. Но веселье закончилось, и каждый дошедший до цели выпад, вознаграждался коротким «Хорошо», а каждый неуклюжий шаг сопровождался оглушительной тишиной на галерее, где стоял, качая головой или бормоча, их отец.

Это была уже не игра, поэтому Ика с силой ударил палкой в живот Дала.

- Хороший удар, - произнес отец.

Это была уже не забава, поэтому Дал прошел сквозь защиту Ики и ударил брата поперек щеки. Ика упал на пол, из носа текла кровь.

Отец бросился к Ике и ощупал его, проверяя, все ли кости целы. Затем посмотрел на Дала, испытывающего смешанное чувство стыда и триумфа, и сказал:

- Глупый мальчишка. Всегда заходишь слишком далеко!

Снаружи загрохотал гром и Кальтум приготовился к смерти.

Под ногами на полу хрустели кости. За спинами юношей клубился пар, похожий на дыхание жаждущего настичь добычу демона. Мальчики придвинулись ближе друг к другу, глядя в лицо бритвенно-острой агонии.

Часть пещеры была словно рассечена на части живой паутиной мшистого лишайника, цепляющегося за волокнистые стебли и обвивающего корни растений. За мшистой преградой раскрыл свой зев еще один туннель, также ведущий вверх. Но мерцающая мертвенным светом паутина имела шипы длиной в палец Ики. Они были похожи на мясницкие крюки, изогнутые как ятаганы и столь же острые. Идущие вдоль лезвия мелкие зубцы жаждали разодрать плоть и разорвать сухожилия несчастной жертвы. Целый лес

кинжалов, расположенных в пять рядов, простирался от стены до стены пещеры, от усыпанного сталактитами потолка до неровного пола.

Неподалеку висел запутавшийся в шипах скелет – его пустые глазницы смотрели на Ику, словно говоря: «Вы похожи на меня. Вы такие же, как я. Все мертвые».

Туннель, по которому они пришли, уже затопило. На быстро поднимающейся поверхности воды тут и там прорывались пузырьки воздуха. Между мальчиками начали виться сильно пахнущие серой клубы пара.

Ика заставил себя двинуться вперед. Как только в нем укоренилось стремление двигаться дальше, как только он преодолел побуждающую сдать вялость, идти стало легче. Он бросил взгляд на преграду и, конечно, увидел Дала, уже приближающегося к шипам-кинжалам.

Что бы это значило? Ика задумался. Возможно, это имело какое-то значение.

Первый шип разорвал его тонкую безрукавку и обнажил кожу, которую тут же слегка обожгло холодом.

Второй впился в плечо, пробираясь к костям и нервам. Ика застонал от боли и сжал зубы.

Продолжать идти.

Следующий шип вонзился в бедро, пропахав плоть и превратив ее в лохмотья.

Что-то попало на щеку, и парень обернулся. У идущего сзади мальчика из зияющей на шее раны хлестала артериальная кровь. Его глаза закатились с чем-то похожим на облегчение.

Идущие за Икой пробивались вперед, издавая стоны от каждой новой раны. Кто-то, идущий в хвосте, закричал, когда движущаяся за ними по туннелю кипящая вода обожгла голую ногу.

Идущий впереди Дал пробивался сквозь путаницу шипов, его руки и ноги были покрыты порезами. Он хватался за ветки и тащил себя вперед, останавливаясь лишь, чтобы взглянуть на истерзанные ладони. Он бросил взгляд на Ику, словно проверяя, на месте ли его брат, смотрит ли на него, затем нахмурился и продолжил пробиваться вперед.

Один из шипов прошелся вдоль лба Ики, и его глаз начала медленно заливать красная влага. Мальчик двинулся вперед, ничуть не заботясь о том, что шипы режут его на части. Он ощущал боль как будто издалека – осознавал ее присутствие, но не эффект. Внезапно его рука вырвалась на свободу. От порезов и царапин кожа на ней была похожа на шахматную доску.

Победный рык впереди возвестил о том, что Дал вышел наружу. Дал остановился и развернулся. Он стоял и смотрел, задыхаясь и кровоточа, как дюйм за дюймом его брат выбирается на свободу. Что-то треснуло, замшелые ветки разошлись, и Ика вышел на открытое место.

Он посмотрел на остальных. Кто-то уже почти выбрался, кто-то безнадежно застрял, уже глядя в лицо смерти безжизненными глазами, из которых текли слезы.

Некоторые юноши даже не попытались пройти. Они стояли или сидели с другой стороны, спокойно ожидая гибели, поскольку бурлящая вода поднялась еще выше. Ика кивнул, понимая, что они чувствуют, и отвернулся.

Дал уже карабкался к следующему туннелю. Ика смахнул кровавые слезы и последовал за ним.

Небеса содрогнулись, над горизонтом метнулись сполохи молний. Ветер обрывал немногие выросшие на острове Кальтум деревья, заставляя их издавать скрипы и стоны, как будто озвучивающие тревогу племени.

Соплеменники смотрели на закручивающиеся облака и плевались, проклиная мрачную погоду. Источающий набожность священник выкрикивал молитву Императору, стараясь перекричать раскаты грома. Его красноречие иссякло, он вошел в часовню и запер дверь.

Воздушных змеев торопливо спустили на землю, спасая от циркуляций воздушного пространства; сборщики чамака были надежно пришвартованы, повсюду слышался звук хлопающих дверей и ставней.

Небо почернело.

В хижине Ика и Дал, выражая свое негодование тяжелыми шагами, спустились во влажную темноту подвала. Вслед им послышался голос матери:

- ... и сидите там, пока не научитесь повиновению! Если вам нельзя доверить работу по дому, сдается мне, вам тем более нельзя доверять глайдер!

Близнецы тревожно замерли и обернулись к скрестившему руки силуэту наверху лестницы с криком:

- Но-!

- Никаких оправданий, заберите вас ночь! Никаких глайдеров в течение месяца! И теперь ваш отец под дождем, устанавливает ту проклятую Императором панель, и кто знает, где он сможет спрятаться, если грянет буря. И как мы выживем, если он пострадает, и почему вы не слушаете отца Лемюэля, когда он говорит о послушании, и ... - Визгливый голос умолк, когда захлопнулась дверь, и мать пошла прочь, чтобы запереть ставни.

Ика шмыгнул окровавленным носом. Он чувствовал, что Дал пристально смотрит на него в темноте.

Они бежали через залы и пещеры. Из каждой щели лилась кипящая вода, заливающая факелы один за другим.

В одной из пещер пол был усыпан мелкими тлеющими угольками, нагретыми огненно-красной магмой, которая медленно остывала, собравшись в отдельные лужи. Юноши - те, кто решился - пронеслись мимо, вскрикивая и поднимая снопы искр. Некоторые с воем падали в бурлящую лаву, цепляясь за воздух и вопя, пока их кожа не обугливалась и легкие не заполнялись огнем.

В другой пещере огненная буря шрапнели и дыма внезапно вырвалась из скрытой ниши среди сталактитов по сигналу немигающего красного глаза датчика движения на одной из стен. Некоторые подростки остановились на входе, бросая испуганные взгляды то на поднимающуюся воду, то на мерцающий рубиновый свет, выбирая между жизнью и смертью. Другие рванулись вперед, пригибаясь и петляя. Их плоть и кости словно растворились в металлическом вихре, крики угасли в облаке дыма и пыли. Некоторым - тем, кто не колебался и не ринулся вперед - удалось пройти.

Еще в одной пещере пол был разрезан отзывающейся эхом пропасти, обрамленной расколотыми костями. Юноши могли продолжить двигаться дальше, лишь перепрыгнув пропасть и ухватившись за противоположный край. Долгие крики упавших, неизменно заканчивающиеся звуком удара тела о камень, будут вечно блуждать эхом внутри горы.

И вода постоянно поднималась, висела на хвосте, протягивала свои извивающиеся усики и окутывала все серным туманом. Гора наполнялась от подножия до вершины, и с каждым шагом оставшийся воздух становился все более горячим и удушливым.

Каждая мышца Ики протестовала против движения, но он преодолевал преграду за преградой, каждый раз убежденный в том, что следующее испытание станет для него последним. Лишь принимая собственную смерть, он мог идти через пылающие угли. Только понимая, что он был никем, он мог неспешно пройти мимо немигающего датчика движения. Лишь зная, что он умирает каждую секунду, что он был уже мертв и забыт, что ничто из его деяний никогда не вспомнят, мог он швырять себя в пропасть, а затем карабкаться, раздирая кисти и руки, к ее краю.

Он выживал, не стремясь к этому.

И все это время на шаг впереди был Дал, идущий вперед, словно неустойчивый дервиш. Он оборачивался, чтобы посмотреть на Ику, но никогда не шел на помощь, если тот оступался. Одежда братьев висела лохмотьями, а кожу испещрили царапины и порезы. Однажды Дал повернулся к Ике, взглянул на него горящими глазами и сказал:

- Старайся держаться выше, брат...

А затем они прошли через последнюю пещеру и вошли в извилистый сужающийся туннель, уходящий вниз. Перебирая истерзанными ладонями и коленями, Ика изо всех сил пытался поспеть за удаляющимся братом.

- Дал? - задыхаясь, произнес он, - вода, она будет...

- Я знаю, последовал краткий ответ, - Нас здесь зальет.

Туннель становился все более крутым, стены сужались - до тех пор, пока братья не начали двигаться подобно червям, используя только пальцы ног и локти. Сколько юношей шло следом, Ика не знал. Он не мог повернуть голову, даже если бы ему хватало света. Он был слеп. Личинка в недрах горы.

По извивающемуся как штопор туннелю разнеслось эхо приглушенного крика, словно с расстояния в миллион миль. Где-то далеко наверху кипящая вода добралась до края уходящей вниз шахты, ожидая...

Ика мог представить, как это происходит. Вода - сначала всего несколько капелек - начала бы двигаться по пещере. Затем, по мере прибывания воды, струйка стала потоком, затем рекой, затем цунами, которое обрушилось бы в проход, ускоряясь и ускоряясь по мере сужения стен, ревя в серной ярости.

А затем был свет. Он бил в глаза Ики и заставлял его вздрагивать. И Дал, извивающийся и выбирающийся из туннеля, дергая израненными ногами.

Гора дрожала, как заполненная до краев водосточная труба, и воздух понесся мимо под давлением движущегося сзади яростного потока жидкости.

Когда Ика увидел солнце, оно не выглядело желанным. Он не чувствовал облегчения в свежести воздуха. Он был по-прежнему мертв. По-прежнему забыт.

Из туннеля кроме близнецов выбрались только два парня, с бледными лицами и темными кругами вокруг глаз, словно они жили под землей в течение многих лет.

Они стояли на выступе посреди скалы, Перед ними со всех сторон был обрыв. Далекий океан с этой

высоты казался покрытой рябью лужей. А над ним возвышалась Призрачная Вершина, высочайшая гора Бритвенного Хребта, чьи склоны были столь крутыми, что на них не могли гнездиться даже горные ястребы. Самим своим существованием эта иззубренная, скалистая гора бросала вызов облакам.

Ика уставился на нее и пробормотал:

- Император, защити...

Чудовищность горы уменьшила его страдание, напомнив ему о его значимости. Ты - ничто, сказал он себе. Ты - ничто, и через мгновение ты умрешь, сбитый с этого выступа ударом воды. Возможно, твои кости сломаются от удара, а осколки черепа вонзятся в мозг. Возможно, ты умрешь быстро. А может быть, тебя подбросит в воздух, и ты будешь вопить от боли, когда вода обожжет твою кожу, а глаза растворятся. Возможно, ты упадешь, размахивая руками, на зазубренные скалы у подножия горы.

Может быть, смерть будет болезненной. А может быть и нет.

Но ты умрешь. Это настолько очевидно, что ты, можно сказать, уже мертв.

И, взгляни, идти больше некуда. Бежать некуда.

Гора содрогнулась, взревела вода, и Ика вспомнил.

Мать закричала, пытаясь открыть дверь подвала и укрыться в нем, когда налетел шторм и крыша хижины разлетелась на куски, как мозаика. Женщина вонзила ногти в гнилую древесину подпорки, стены дома начали колыхаться и рваться как бумага.

- Смотри, - коротко проворчал Дал, возвращая Ику к действительности. Он указал на перепутанную кучу в дальнем углу выступа.

Неровный клочок полотна, с небольшой слабиной натянутый на металлический каркас, походил на акулий плавник. Другие детали - ржавые пружинные кронштейны, рваные хвостовые рули, разлагающиеся зажимы натяжения и искореженные элементы крепления - находились в недрах кучи.

- Глайдеры... - оцепенело пробормотал Ика. За его спиной ревела гора.

А голос в голове прошептал: Значит, можно продолжать двигаться.

Почему бы и нет.

Терять все равно нечего.

Дал уже был около груди, перебирал разваливающиеся на части аппараты, выбирая лучший комплект. Он забросил за спину сложенные крылья и начал закреплять на груди ремень. Его глаза светились решимостью. Ноги Ики подгибались от заполняющего разум отчаяния, но он просто протянул руку и взял первый попавшийся комплект. Бессильно повисшие измочаленные крылья выглядели почти бесполезными, а крепления представляли собой что-то вроде перекрещивающихся полос плетеной чамаковой веревки.

Неважно. Надевай.

Гора исторгла яростный утробный рев. Мчащийся из пасти туннеля воздух обрел физическую мощь и начал отодвигать близнецов к краю. Один из двух юношей широко раскрыл глаза и бросился к груди глайдеров. Последний выживший просто стоял и смотрел, ожидая.

И на его голову обрушился весь мир.

Племя Кальтума погибло. Остров Кальтум был истерзан, как полумертвый человек, бросающийся на своего мучителя и старающийся удержать внутри собственные внутренности.

Шторм приблизился с голодной злобой, безликий и беспощадный.

Вселенная, сожалея не более, чем человек о раздавленном насекомом, протянула руку и стерла с лица земли целый народ.

Ветер с хлопком развернул изодранные крылья глайдера Ики и понес его через далекий океан. Несмотря на сильную тряску, юноша увидел, как склон горы будто превратился в гигантскую водосточную трубу, изливающую свое содержимое в каскадах переливающихся радугой брызг – но все это было далеким, незначительным. Воющий вокруг ветер заглушил крики.

Затем все кончилось: через долю секунды головокружения реальность собралась воедино и Ика обнаружил, что неуправляемо парит, подхваченный потоками. Выбитый из легких воздух возвращался судорожными вдохами, в голове отдавался тяжелый ритм пульса. Поблизости пролетел на полностью расправленных крыльях пытающийся сохранить равновесие Дал. Турбулентный поток грубо ударил Ику, и он, наклонился, ненадолго сорвавшись в падение, отчего затрепетали искореженные крылья и хвостовые пластины. Спуск стал более ровным, но равновесие было неуклюжим, и неизбежно должно было закончиться плачевно.

Рядом вскрикнул третий юноша, который добрался до груды глайдеров за секунды до появления воды из туннеля. Бросив быстрый взгляд в его сторону, Ика увидел падающие вниз обломки и обрывки деталей, превращающиеся в облако кусочков ткани и обломков металла. Маленькая фигура в центре, бестолково размахивающая руками, падала в далекий океан. На всем протяжении пути он кричал.

Траектория Дала выровнялась, он вновь оказался перед Икой, оглянулся, на его лице царила приводящая в бешенство ухмылка, а в глубоко посаженных глазах мерцало... Торжество?

Затем подгоняемые бурей близнецы посмотрели вперед, туда, где ветер разбивался о вершины Бритвенного Хребта. Лететь по ветру было нельзя, сохранение положения и высоты – единственный шанс на спасение. Окровавленные и истерзанные, опустошенные морально и физически, близнецы хранили молчание, а перед ними возвышалась приближающаяся Призрачная Вершина.

Когда все закончилось, мир был черным. Не унылая, сухая чернота огненной бури или другого акта насилия, а скорее отполированная чернота скользкого от воды камня. Сама земля была разорвана на части, счищена со скал как скальп с черепа. И, конечно, были развалины, но не много. Не стертые с лица земли хижины или искореженные транспортные средства, а скорее рассеянные участки пыли, которые, возможно, ранее были домами, или брызги жидкого металла, выбитые и отброшенные яростной молнией.

Ика и Дал выползли из ставшего им убежищем подвала и уставились на то, что осталось от их жизней.

Ни на первый, ни на второй день настоящей боли не было. Близнецы должны были погрузиться в

отчаяние, но вместо этого они бродили по уничтоженному острову в состоянии фуги.

На третий день братья начали осознавать реальность. Иногда они плакали, но этого явно не хватало, чтобы победить отчаяние. Потребность выговориться, излить душу, оставалась неудовлетворенной. Они не могли найти в себе сил ни смотреть на друг друга, ни разговаривать.

На четвертый день, когда животы начало сводить от голода, вновь вернулось оцепенение. Они находили себе какое-нибудь дело или старались отвлечься - например, запутавшуюся морскую птицу или наполовину успешную попытку рыбалки - и все казалось нормальным, пока разум не позволял себе блуждать. Тогда память о... событиях возвращалась. И каждый раз приходила боль: бесконечная петля воспоминаний и реакции.

На пятый день прилетел глайдер.

«Каждый мужчина тринадцати лет да явится в Плоский город в тринадцатый день тринадцатого лунного месяца каждого года. Волею Имперума.»

Он почти пролетел мимо, увидев с высоты своего полета только изломанные остатки сообщества: место обитания племени, превратившееся в голую скалу по прихоти бури изменчивого мира.

Но Дал пустил в далекий призрачный зайчика с помощью обломка зеркала, и глайдер начал снижаться, приближаясь к последним выжившим с острова Кальтум. И они взошли на борт, чтобы умереть.

Эластичные крылья Ики дважды издавали шипение, когда рвалась ткань, и дважды он наклонялся под невозможными углами, готовясь к смертельному падению в волны.

Дважды голос в голове говорил: «Да - позволь мне умереть!» И дважды он выравнивался, так или иначе находя способ сохранить положение. Призрачная вершина больше не возвышалась над горизонтом мира. На таком расстоянии она и была всем миром.

- Где мы приземлимся, брат? - сказал Ика, глядя вперед, где без усилий держался в воздухе Дал. Брат не ответил. Ика позвал его еще раз, на этот раз громче, - Я говорю, где мы при...

- Я слышал, - Дал обернулся, пронзив брата пристальным взглядом. - Откуда мне знать? - затем он шевельнул плечами, спустился ниже и пронесся вперед.

Время от времени ветер, казалось, поддерживал Ику снизу, как будто чтобы нежной рукой покачивать его тело, но на самом деле лишь чтобы швырнуть его высоко в воздух или обрушить вниз, кувыркающегося и беспомощного. В такие моменты лишь фаталистический импульс - уверенность в том, что не имеет значения, продолжить борьбу или сдаться - позволил ему изо всех сил избегать таких карманов и ям и сохранять положение.

С каждой секундой он приближался к Призрачной Вершине, пока она, казалось, не стала планетой, падающей на Гатис, чтобы неизбежно с ним столкнуться, и засыпать все сущее хаотическими планетарными внутренностями и артериальной лавой. Ике хотелось, чтобы так и случилось, чтобы он мог оседлать гребень этого огненного катаклизма и сгореть в воздухе подобно ничтожной искре.

В этом подвешенном состоянии он едва ощутил пальцы силы, снова копающиеся в его разуме. Ике не хватало сил, чтобы вызвать рвоту, и от психического контакта он лишь беспомощно разевал рот. Голос

библиария Трина вновь проник в его мозг, пульсируя за глазами яблоками.

- Там... - прошипел он, и глаза самопроизвольно устремили взгляд на поверхность скалы, где - если бы Ика сам посмотрел против бьющего в лицо потока воздуха и сосредоточился - он мог бы разобрать темный провал над плоским выступом. Еще одна пещера. Юноша увидел, что Дал отреагировал точно так же, повернув лицо к далекой платформе.

И близнецы устремили свои опустошенные, израненные тела к выступу, и неуклюже, неловко спустились на него.

Камень показался мягкой периной, приняв на себя тело Ики и смягчив его падение. Какой-то частью мозга юноша осознавал губительность посадки, отдаленно фиксируя распространяющуюся боль, но был не в силах вздрогнуть или застонать.

Дал, конечно, был уже на ногах. Он сорвал с себя гибкие крылья, затем сжал кулаки и триумфально вскинул их в воздух.

- Первый! - выкрикнул он в сторону горы, развернулся и посмотрел на задыхающегося брата глазами, полными безумия. - Я победил тебя!

Ика недоуменно пробормотал:

- Ч-что?

- Я победил тебя. Я пришел первым, - ухмылка Дала расширилась. Она была похожа на уродливую глубокую рану на его бледном грязном лице. - Теперь мы умрем, н-но это не будет иметь значения, потому что... потому что, когда это случится, ты будешь знать, что я лучше тебя, и мир будет знать, что я пришел первым, и, и... - Усмешка превратилась в нечто иное - гримасу боли и гнева, который сверкал в глазах и исторгал из них слезы. Слезы текли по лицу, пока Дал не умолк, не в силах продолжать говорить. Ику удивила и испугала истерика брата, неспособного ничего понять. Впервые на его памяти Дал был похож на ребенка - переломанного и опустошенного полным ненависти миром - но тем не менее ребенка, со всей раздражительностью и мелочностью, которыми может обладать только ребенок.

Затем ветер, казалось, устремился вниз прямо им на головы: теплая буря, становящаяся все горячее и горячее. Ика устало изогнул шею и увидел спускающегося в ореоле дыма и перегретого воздуха библиария Трина. Как пара растущих из колоссальных плеч сверкающих крыльев, его поддерживали два потока жара. Потоки медленно ослабевали, пока, наконец массивные ноги гиганта не лягнули о камень, и он не встал твердо на скале.

- Выжившие... - произнес библиарий, словно ощупывая братьев взглядом глубоко посаженных глаз. - Выжившие, которые уже мертвы, но все же живы. Гм. Можете ощутить чувство облегчения, юнцы. Вы все равно умрете.

Ика боролся с заполнившей мозг энергией, превращая изможденные стоны в слова:

- 3-зачем? Зачем вы с нами так поступили?

Трин улыбнулся, психический капюшон издал потрескивание.

- Посмотрим... - прошипел он.

Энергия протянулась к братьям, проникла в их разумы, и они увидели...

Разум Ики был склоном горы. Наклонная поверхность мучения, не выравнивающаяся, не обрывающаяся пропастью фатализма. Она простиралась вперед, погружаясь в страдание слишком далеко, чтобы иметь возможность вынырнуть из него и зафиксироваться, но все же слишком крутая и ровная для того, чтобы дойти до самоубийства.

Жизнь Ики ничего для него не значила.

Жить без чувств и забот было для него так же легко, как отказаться от жизни.

Библиарий Трин внутренне улыбнулся.

Разум Дала был похож на минное поле горечи и боли.

В каждой стоящей перед ним проблеме, в каждой задаче была цель. Внимание отца, которое тот неохотно уделял и редко им баловал. Была любовь матери, далекая и неуклюжая.

И был Ика. Ика, отцовский любимчик. Ика, которого мать звала перед смертью. Ика, который был любим и испорчен. Ика, который мог не нести ответственности. Ика, который был на час старше. Ика, который унаследовал бы чамак отца. Ика, который, благодаря шестидесяти проклятым Императором минутам, имел значение.

Жизнь Дала ничего для него не значила. Все, что имело значение – превзойти брата, быть на первом месте, наконец показать родителям – пусть слишком поздно – что он, младший брат, карлик, презираемый, нелюбимый и запущенный – что он лучше!

Продолжать жить, бушуя и ревнуя, отчаянно нуждаясь во внимании, было намного легче, чем отказаться от жизни.

Библиарий Трин нахмурился.

Когда реальность вернулась, ветер выл как ребенок. Когда Ика открыл его глаза, мир искажали слезы, а разум был наполнен скорбным голосом библиария Трина.

- Все сущее страдает, юнцы. Лишь приняв собственную смертность, мы можем... что-то изменить. Лишь под ношей собственных неудач мы можем черпать силу. Только вдали от славы, чести или ревности... и от самой жизни мы можем надеяться спасти других от горя. Мы – Обреченные Орлы. И мы уже мертвы.

Серебряная перчатка поднялась и указала на Ику, заполняя собой весь его мир.

- Ты можешь войти, юнец. Войди и узри Гнездо Обреченных Орлов. Ступи на путь скромного и благодарного служения Золотому Трону. Но помни: в этот день ты не выжил. Ты теперь мертв. Никогда об этом не забывай.

Ика оцепенел. Ничто не было реально. Ничто не имело значения. Ветер ревел, стремясь швырнуть его в пропасть, и юноша, пошатываясь, шаг за шагом углублялся в мрак пещеры. Он знал, что позади идет библиарий Трин, чье огромное тело изящно скользит в гостеприимных тенях.

Ика не оглядывался назад, но слышал, как закрылись противозрывные двери, отрезая пещеру от дождя. Он слышал ветер, усиливающийся с каждой секундой. И слышал, как тихо плачет его брат. За несколько

мгновений до того, как закрылась противозрывная дверь, за мгновения до того, как закончилась жизнь Ики как крестьянина Гатиса началась его не-жизнь как Обреченного Орла, он услышал, как его близнец кричит в пустую, большую вселенную:

- Но я был первым! Это несправедливо!

И Ика сказал себе: Да, это несправедливо. Это - жизнь.

С глухим звуком двери Призрачной Вершины закрылись, и близнецы, каждый по-своему, умерли.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=На_крыльях_скорби_/__On_Mournful_Wings_\(рассказ\)&oldid=5046](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=На_крыльях_скорби_/__On_Mournful_Wings_(рассказ)&oldid=5046)

Эта страница в последний раз была отредактирована 5 октября 2019 в 18:14.